

М.Я. Морошкин

Славянский именовслов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Я. Морошкин**
Славянский именовслов / М.Я. Морошкин – М.: Книга по Требованию, 2015. –
321 с.

ISBN 978-5-518-08338-7

ISBN 978-5-518-08338-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

судьба народов сходна съ судьбою каждого недѣлимаго лица: имя первое встрѣчаетъ человѣка при появленіи его на свѣтъ, и послѣднее остается съ нимъ, когда онъ оставляетъ все земное, и все земное оставляетъ его—вотъ вѣрный нашъ другъ отъ колыбели до могилы! На древность происхожденія личныхъ нашихъ именъ указываетъ то обстоятельство, что большая часть ихъ употребляется всѣми славянскими племенами, начиная съ Балканъ до низовьевъ Лабы и поморья Балтійскаго, отъ Адриатики до Пльменя, отъ Карпатъ до горъ Валдайскихъ; имена эти слышатся въ памятникахъ Богеміи, Моравіи, Болгаріи, Сербіи, Польни, Россіи, Лузаціи, Рюгена, Далмаціи. Такая общепотребительность личныхъ именъ, замѣчаемая у всѣхъ Славянскихъ народовъ, указываетъ намъ на ту эпоху ихъ происхожденія, когда племена Славянскія составляли еще одно племя, неразвѣтвившееся на многочисленныя отростки, еще заключенное въ одной мѣстности, еще неперетерпѣвшее различныхъ переворотовъ политическихъ, вслѣдствіе которыхъ оно распалось на нѣсколько особенныхъ частей. Имена эти, получивши начало свое въ эпоху еще единства Славянъ, переносились съ ними и на новую территорію, по переселеніи ихъ изъ прежнихъ жилищъ, перешли и на новую мѣстность и остались какъ драгоценный памятникъ сѣдой старины и какъ доказательство единства происхожденія и братства этихъ племенъ и единства ихъ языка. Извѣстенъ законъ, открытый филологами, что нарѣчія чѣмъ ближе къ своему источнику первобытному языку и тѣмъ болѣе представляютъ сходства между собою, тѣмъ они древнѣе, и что чѣмъ болѣе народъ удаляется отъ своей первобытной эпохи, тѣмъ нарѣчія его болѣе и болѣе отдѣляются и становятся непопаятными племенамъ, происшедшимъ изъ одного общаго корня. Такъ, по свидѣтельству патріарха нашей Славянской филологіи, «во времена перевода книгъ священныхъ на Славянскій языкъ, всѣ племена Славянскія, какъ западныя, такъ и восточныя, могли разумѣть другъ друга также легко, какъ теперь «напримѣръ Архангелогородецъ или Донской житель разумѣютъ Москвича или «Сибиряка. Грамматическая разность діалектовъ Русскаго, Сербскаго, Хорватскаго, между Славянами восточнаго племени стала ощутительною уже спустя, «можетъ быть, 300 или 400 лѣтъ послѣ пороложенія церковныхъ книгъ, и «потомъ увеличиваясь съ теченіемъ вѣковъ и съ политическимъ раздѣленіемъ «народовъ дошла наконецъ до той степени, въ какой мы видимъ ее нынѣ, когда каждый изъ сихъ діалектовъ сдѣлался особеннымъ языкомъ» (*). Слѣдовательно слово или имя, сохранившееся у всѣхъ Славянскихъ племенъ, не смотря на всѣ ихъ историческія перевороты, на различіе ихъ исторической судьбы, разность ихъ политическаго и географическаго положенія, есть остатокъ старины глубокой, обломокъ изъ до-исторической эпохи народа, который въ незапамятное время вынесъ это слово или имя изъ прежняго своего жилища и унесъ его съ собою во всѣ концы, куда забросила его судьба, умыкало горе

(*) См: Ученныя записки II-го Отд. Ак. Наук. кн. 11, выпускъ 1-й, годъ 1856, филологическія разсужденія А. Х. Востокова, стр. 15.

и злос безчастье, привлекала слава и удаля. Въ этой-же доисторической древности личныхъ именъ нужно искать разъясненія того явленія, которое поражаетъ всякаго изслѣдователя Славянскихъ личныхъ именъ, именно: необыкновенное сходство не только по значенію, но даже по вѣшнему виду и образованію Славянскихъ личныхъ именъ съ германскими, кельтскими, — сходство, ставившее втупикъ многихъ археологовъ и подавшее поводъ къ вопросамъ: кто у кого заимствовалъ — Пѣмцы ли у Славянъ, или на оборотъ? и откуда произошло такое поразительное сходство между личными именами Германскими и Славянскими? Сравните напримѣръ имена: Genobaudo — Яновидъ, Mellobaude — Милобудъ, Миловидъ; Navibaude — Яробудъ, Яровидъ; Malobaude — Малобудъ, Мауробаudo — Миробудъ, Мировидъ, Viligart — Волиградъ, Liebgart — Любиградъ, Radgart — Радиградъ, Violrad — Велерадъ, Visogast — Видогость, Hadugast — Годогость, Radagast — Радогость, Vitiges — Витигость, Leutbald — Лютовладъ, Rodrald, Radvalt — Родовладъ, Zventibuld — Свѣтовладъ, Vissumar — Вышомаръ, Vithomer — Витомаръ, Rotemer — Ратимаръ, Valdemar — Владимиръ, Hadubarth — Годобратъ, Leuba, Leubastes, Leubovena, Liubiuzo — Люба, Любинъ, Любичанъ, Любона, Liuddog, Liudegast, Liudevit — Лютои, Лютогость, Людевитъ и т. п. Такое сходство Славянскихъ личныхъ именъ съ личными именами древне-германскими и кельтскими, скажемъ съ Шафарикомъ (*), указываетъ на старобытность Славянъ въ Европѣ, ихъ совместное жителство съ племенами Германскими и Кельтскими, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясно говоритъ о происхожденіи личныхъ именъ того и другаго народа въ эту доисторическую эпоху, когда эти народы еще не различались между собою по языку своему до того, что они не могли понимать другъ друга. Наконецъ не малое количество у Славянъ личныхъ именъ, взятыхъ отъ названія животныхъ, также говоритъ о древности происхожденія ихъ личныхъ именъ; потому что обычай называть какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя народы звѣрями былъ принадлежностію не однихъ славянскихъ народовъ, но и другихъ, ведетъ свое начало отъ самыхъ древнихъ временъ и встрѣчается не только у Гомера, но и Евреевъ, Индѣйцевъ и Персовъ (**), и относится къ тому древнѣйшему воззрѣнію народа на человѣка и природу, которое могло давать людямъ и народамъ звѣринныя прозвища (***) : Можно объяснять происхожденіе подобныхъ именъ, общихъ человѣку съ животными, равно какъ общихъ ему съ рѣками и растеніями, неопредѣленностію первобытнаго языка, по которой онъ не приурочиваетъ и не приковываетъ слова къ одному известному предмету, но любитъ относить одно слово ко многимъ вещамъ, называетъ однимъ

(*) См. Шафарика Слав. Древности, т. 1-го, кн. 2-ю, 1837 г.

(**) Specilegium Solesmense, complectens Sanctorum Patrum scriptorumque Ecclesiasticorum anecdota hactenus opera curante Pitra, t. III, Parisiis, an. 1835, 307.

(***) Временникъ, О. П. и Др., г. 1851, кн. X, статья г. Буслаева, о значеніи собственныхъ именъ: Лютичи и Вальчи.

именемъ и человѣка и звѣря и рѣку и Бога. Волкомъ у Славянъ назывался и человѣкъ и животное; Дунаемъ и Дономъ рѣка и человѣкъ, Богомъ Богъ и человѣкъ и рѣка. «Чѣмъ рѣчь старѣе, невоздѣланиѣе и первобытнѣе, тѣмъ она «экономнѣе на слова, говорить Колларъ, тѣмъ чаще въ ней одно слово служитъ «для выраженія нѣсколькихъ понятій и предметовъ. Съ распространеніемъ «образованности въ народѣ развивается языкъ, умножаются слова, для извѣстнаго предмета образуется извѣстное особенное слово. Такъ въ еврейскомъ «языкѣ, почитаемомъ древнѣйшимъ въ ряду другихъ языковъ, одно и то же «слово служитъ для обозначенія двухъ, трехъ, а иногда и болѣе предметовъ: «Хлѣмъ значить и горькій и черный, *Уръ* огонь и свѣтъ (причина и дѣйствіе), «*Фарахъ* слава и краса и т. юд. (*).

И такъ личные имена не суть пустой и негодный балластъ въ языкѣ народномъ, но самый существенный матеріалъ его, драгоценный и почетный памятникъ древности, заслуживающій занимать самое почетное мѣсто въ лексиконѣ и сокровищницѣ словъ народныхъ: безъ личныхъ именъ народный лексиконъ будетъ не полоумъ, лишится самага дорогаго сокровища и будетъ похожъ на того сорванца-потомка, который отказался отъ своихъ почетныхъ предковъ и начиняетъ свое родословіе со вчерашняго дня. Притомъ же личные имена народа несутъ мертвый матеріалъ языка, но постоянно обращающійся въ устахъ народа, они употребляются народомъ какъ и всякое другое слово, они сдѣлались корнями многихъ нарицательныхъ именъ, вошли въ плоть и кровь языка, они слышатся въ народныхъ быльяхъ, раздаются въ старинной пѣснѣ, повторяются въ народной легендѣ, сказываются въ сказкѣ, поются въ духовномъ стихѣ, звучатъ въ именахъ мѣстностей, горъ, селъ, даютъ себя знать въ фамильныхъ именахъ, проданіяхъ, чародѣйскихъ таинствахъ, знахарствѣ, въ гербахъ шляхты Польской, Чешской, Моравской, въ печатахъ русскихъ бояръ (**).

(*) Колларъ *Rozprawy d gmenach*, Djl 1. § 6. str. 25—26.

(**) См. Пѣсни Кириль Данилова, пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, также Сборникъ Русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный Варенцовымъ; Памятнику старинной Русской Литературы, изд. графомъ Григоріемъ Куселевымъ-Безбородко, и въ нихъ повѣсть о Цццѣ, посадившѣ Цовгородскомъ, легенду о братствѣ, повѣсть о бѣсноватой жентѣ Соломоніи; Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. П. Венелина, П. Д. Катранова и другихъ Болгаръ, Сербскія пѣсни въ 2-хъ томахъ, Временникъ Общества Н. и Др. годъ 1833. ст. «Зпосъ сербскія», сербскія Словеници Тирковича, *Pisemniciki jugoslavaniw*, *vobral a widal Pavel Josef Safarik*, 1851 г., Сынъ Отеч. 1820 г. № XXXIII, стат. Ходаковского о городищахъ; очеркъ путешествія по Европейской Турціи (1848 г.) Виктора Григоровича, см. также Атепей, журналъ, издаваемый Крашевскимъ въ Вильнѣ, въ этомъ журналѣ помѣщено письмо Ходаковского къ брату его Карлу изъ Москвы, отъ 8-го апрѣля 1822-го г. слѣдующаго содержанія: «имѣвшему знанию я осмотрѣлъ въ Межевомъ отдѣленіи Севата особенные планы почти всѣхъ губерній, мѣсть въ нихъ заселенныхъ и, такъ называемыхъ, пустомей, выбраши изъ всего этого слѣшкомъ 3,000 городищъ и странныхъ прозвищъ, я приготовилъ Императору донесеніе, къ которому присоединилъ карту 4-й части

Но личныя имена п'яють важность и значеніе не только какъ матеріалъ языка, но и какъ памятникъ воззр'ній, понятій и представленій народныхъ, и въ нихъ нер'дко отражается характеръ и духъ народа лучше вс'хъ другихъ историческихъ памятниковъ; въ этомъ случа'хъ имена служатъ сокращенною исторією внутренняго быта и духа народнаго и нер'дко, скажемъ съ Вейнгольдомъ, тамъ, гд' молчатъ хроникъ и историческіе памятники, тамъ начинаютъ говорить одно слово (*), тамъ, гд' безмолвствуютъ саги, начинаютъ пов'сть собственные имена (**). Теоократизмъ Іудейскій отразился и въ личныя имена Іудейскія; Римлянинъ въ разные эпохи своей исторической жизни особенно любилъ дв' вещи: землед'ліе и право, и любовь свою къ этимъ двумъ предметамъ выразилъ и въ своихъ личныя именахъ (***) ; идеалъ дровняго Германца былъ горой, и этотъ идеалъ отражается въ древне-германскихъ личныя именахъ—слово: горой (Held) «встр'чается въ множеств' личныя гор-

Росс. государства. Эта карта новое произведеніе въ своемъ род' ; поразительно на ней множество *городковъ*, часто встр'чающихся чрезъ каждыя пять верстъ ; также названія, происходящія отъ *Луна, Лады, Лели, Радоиста*, и кончающіяся *на бои, були, боже, божа, бунъ* ; Пантово за 1856-я г., № III-я, ст. г. Шиплевскаго «Б'лорусскія преданія», гд' встр'чаются имена *Малуши, Видука, Балши, Гореслава, Денишу, вад. Дубровскія*, ч. I, стр. 48, гд' приводятся (фамильныя) имена издателей журнала *Кругъ». Ариуимъ Станко, Гай, Людеситъ Вукотиновичъ*, тамъ же, ч. II, въ см'хъ упоминаются Стяхотворенія *Яромира Пичка*, въ томъ же журнал' за 1813-я, стр. 46—190 и 223 встр'чаются сл'дующія имена сочинительницъ Чешскихъ, участвовавшихъ въ изданіи журнала «Ромпенку пагоду 1843»: *Божислава Свободова, Властимила Ружичкова, Богуслава Райская, Добромилла Реттцова, Людмила Тузала, Сидокія и Милада Ш'мечцова, Милина Главова. Марія Гомкова. Кіевлянинъ* за 1850 г., стр. 26, гд' перечисляются ученые Карпато-Русины: *Петръ Тячула, Иванъ Чурювичъ, Иванъ Яхновичъ, священникъ Василій Довиновичъ, Орлай Іеронимъ Гайда, Антоній Чолій*; также Запорожскую Старину, кн. 3, гл. 20, кн. V, гл. 3, Срезневскаго.

(*) См: Die Deutschen Frauen in den Mittelalter. Ein Beitrag zu den Hausalterhümern der Germanen, von Karl Weinhold, 1851 erster Abtheilung. Die Namen, § 1—24: wo die Chroniken und Urkunden noch schweigen, da redet das einzelne Wort.

(**) Abkunft der Slawen, Ofen, 1828, § 180—183: «Wo Erz und Sagen schweigen: da sprechön die Eigennamen noch immer vornehmlich, von denen die meisten Jahrtausende auf dem Rücken tragen.

(***) *Kollara Rozprawy o gménach*, § 1, стр. 5: «Narodowo we swých gménach se sami malugj; Co najwyre oblibugj, řadagj, de řagj a cjm se najrad'ęgi zanaprazdnngj, to přčnořęgi a wl'ewagj do swych gmév, tak že ono přjelowj negon o wécech a osobách, ale j o celých narodech plati:» Conveniunt rebus nomina saepe suis. «Rjmano к. p. дв' wéce obzwłáité miłowali, a w toch najwéřęgi pokroky učinili; totž we sturřęch řasech gospodarstwj, obzwłáste rolnictwj, w poždn'ęgich pak praca, proto sob' i najrad'ęgi gména na tylo wéři se «wstahugj, prikladali, к. p. *Agrioola* (rolnjk), *Arator* (orač), *Hortensius*, *Hortensia* (Zabrad-njk), *Fabius* (bob, swowwřak i pop), *Cicero* (cicer, cizvna, plómé brachü), *Piso* (brach)' «*Lentulus* (leas, iocka, řořowice), *Caepius* (cibulak), *Cornelius* (diju), aneb poždn'ęgi *Justus*, «*Justinus Justinianus*.»

славскихъ именъ (*); если собрать всё имена, говорить Вейнгольдъ, которыми Германцы называли своихъ женщинъ, то увидимъ, что они смотрѣли на женщину, какъ на источникъ радости и любви, требовали отъ нея, чтобы она богато была надѣлена тѣлесными и духовными совершенствами, чтобы она по красотѣ удоболагалась богамъ и звездамъ, по силѣ и проворству равнялась бы съ звѣрями и птицами, даже на полѣ сраженія она стояла около своего мужа, и ея мудрый совѣтъ и умная рѣчь становились извѣстными цѣлому народу. Изъ собственныхъ именъ Германскихъ женщинъ мы узнаемъ то высокое значеніе, какое имѣла женщина у Германцевъ. Смыслъ и значеніе этихъ именъ высоки и благородны, и ни одно изъ нихъ не имѣло безразличнаго или низшаго значенія, и ни одно изъ нихъ не намекаетъ на низкое положеніе женщины въ германскомъ мірѣ. Во всѣхъ именахъ дышетъ свобода, звякъ того, что между Германцами не было несвободныхъ (**). Уваженіе славянина къ семьѣ въ ущербъ развитія его личности, исчезновеніе личности въ родствѣ, семьѣ, благоговѣніе къ дѣднѣмъ и отчннѣмъ, доходящее до того, что по имени мѣсто даютъ, а по изотчеству жалуютъ (***)], что при первомъ встрѣчѣ челоуѣка съ новымъ лицомъ спрашиваютъ: «ты скажишь мнѣ, молодецъ, свою дѣдину, отчину (****)», выразилось и въ личныхъ именахъ славянскихъ. Отчего у славянскаго племени такое богатство личныхъ и мѣстныхъ именъ съ отчественными окончаніями (*****)! Такими именами покрыта вся земля славянская; въ нихъ услышишь въ Россіи, Богеміи, Сербіи, Польшѣ,

(*) См. у Поппа, стр. 89, слѣд. иѣніе Мюленроза: «Summe der Eigennamen eines Volkes auch gewissermassen die tiefsten Spuren seines Treibens und Nationalcharacters eingedrängt enthält, so: das Ideal des Mannes (bei den alten Germanen) war der *held*. Dies finden wir in den Männernamen ausgedrückt, und um sie recht zu verstehen, muss man wissen, was unsern Alten ein Held war. Grimmъ говоритъ, что предки Швицевъ имѣли обычай дарить своимъ новорожденнымъ мечъ, и приводитъ изъ Эгаль Сага извѣстіе, какъ Валькирія привѣтствовала юношу именемъ *Helgi*, что значить счастливый, блаженный, святой, и привела его на то мѣсто, гдѣ лежалъ скрытымъ драгоценный мечъ, и какъ Свигмундръ даетъ своему новорожденному сыну также имя *Helgi* и даритъ ему также драгоценный мечъ (см. Grimms Geschichte der deutschen Sprache, I Band, 1848, Seite 153—155).

(**) Die Deutschen Frauen in dem Mittelalter, ein Beitrag zu den Hausalterthümern der Germanen, von Karl Weinhold, 1851, S. 1—24, также allgemeines Monatsschrift für Wissenschaft und Literatur, 1852, стр. 328—340, гдѣ говорится: Das Ideal des Weibes ist in der Mythologie in dem göttlichen oder halbgöttlichen Schlacht- und Selicksals-jungfrauen ausgebildet, sowie in den mit ihnen unzertrennlich verbundenen Wald- und Wasserfrauen.

(***) См. иѣніи, собранныя Кирѣевскимъ, выпускъ I, № 6, стр. 44, 129: «ты скажишь, молодецъ, какъ именемъ зовуть, а по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству по-жаловать».

(****) Тамъ же, № 3, стр. 18, 65.

(*****) «Личное существованіе у Сербовъ, говоритъ Ранке, какъ бы отодвигалось на задній планъ. Плато не праздновалъ ни для своихъ именинъ, ни для рожденія; у всякаго дома была своя святой, и день памяти его чествовали празднествомъ и пиромъ (исторія Сербіи Леопольда Ранке, переводъ Бартевева, 1857 г. стр. 42)».

Черногорин, Булгарин, Померанин и Далмацін. Отъ чего такое дано обширное развитіе въ Славянскомъ мірѣ отчественному имени, такъ что славянинъ не можетъ обойтись безъ него, неизмѣнивъ своей священной, наследованной отъ предковъ, привычки, неотказавшись отъ своей славянской природы, такъ что онъ величаетъ нѣхъ не только своего брата—Славянина, но и уважить нѣхъ пожалуй и татарина и басурмана—нѣмца, назоветъ и первого какимъ нибудь Шахалевичемъ, и послѣдняго Карловичемъ и Фридриховичемъ, даже самого царя Давида почтеть Иессевичемъ или Евсевичемъ и Ивана Богослова—Богословичемъ? (*). Отъ чего и Нѣмецъ, чтобы поддѣлаться подъ духъ Славянина, чтобы показаться Славяниномъ, непременно начнетъ употреблять при удобномъ случаѣ отчественное славянское имя (обращаясь къ Славянину), хотя и нескстати. Такъ покойный А. С. Шишковъ, описывая пребываніе Императрицы Елизаветы Алексѣевны въ Мангеймѣ, рассказываетъ слѣдующую забавную исторію, случившуюся тутъ: «Мы съ Императрицею, говоритъ онъ, поѣхали въ театръ, гдѣ передъ началомъ зрѣлища приготовлена была для Ней «рѣчь. Странно было для русскаго уха слышать, что въ сей рѣчи громкогласно «и съ восторгомъ произносилось одно только отчественное имя Ея: *Алексѣевна*. Нельзя было неахвѣяться, когда народъ кричалъ *ура, Алексѣевна! viva! viva! Алексѣевна!* Они думали поддѣлаться этимъ подъ русскій языкъ, потому что у нѣхъ отчественное имя не въ употребленіи, но того не могли знать, что «безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно дико и только о простыхъ и «пожилыхъ женщинахъ говорится . . . Въ Некерденндѣ встрѣтила насъ толпа народа. У пристава приготовлены были всемъ большіе лодокъ, изъ «которыхъ самая большая украшена была цвѣтами съ зеленью и посреди ея «шатромъ. Мы всѣ помѣстились на ней. На прочихъ сѣли, на иныхъ музыканты, на иныхъ люди наши и всякой, кто хотѣлъ. На семь «лодѣ отправились мы далѣе по Некеру. По обимъ берегамъ противъ нашей лодки «шли «верхами трубачи, играя на трубахъ. Вдоль береговъ, по ту и по другую «сторону, стояло множество людей не въѣтъ и не кучами, но протянувшись «снитою и составляя въ ней разныя поремѣны: гдѣ мальчики рядомъ, гдѣ «большіе люди, гдѣ маленькія нарядныя дѣвочки, держаціяся рука за руку, «гдѣ взрослые дѣвцы и женщины. Все это разными голосами, топкаями, толкатыми, женскими, мужскими, кричало: *viva! Русская Императрица Алексѣевна!*» (**). Не стоитъ ли такое обширное развитіе употребленія отчественнаго имени между славянскими племенами въ связи съ тѣмъ славянскимъ обычаемъ, по которому Славянинъ любитъ называть другихъ дядею, братомъ, какъ Нѣмецъ и Французъ господиномъ?

(*) См. въ Сборникѣ Русскихъ духовныхъ стиховъ, сост. Варенцовымъ, стихъ о Голубиной книгѣ, стр. 1, также о Воснесеніи, стр. 65.

(**) См. краткія записки адмирала А. Шишкова, веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государы Императрицѣ Александрѣ Петровѣ въ бывшую съ Французомъ въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну, стр. 269—271.

Послѣ этого удивительно ли, что съ первыхъ хронистовъ, съ благочестивыхъ повѣствователей временныхъ дѣлъ, съ составителей житій святыхъ и древнихъ алфавитовъ и азбукониковъ до новѣйшихъ изслѣдательной историческихъ и филологовъ, начиная съ Нестора, Длугоша, Стрыйковскаго до Шафарика, Палацкаго, Мяклошича, Карамзина и Соловьева, личныя имена Славянскія были предметомъ вниманія и изслѣдованія. Кто не знаетъ, какіе богатые и плодотворные результаты для исторіи славянскихъ народовъ вообще и въ частности, каждого изъ нихъ, а также для славянской филологіи, добыты изслѣдованіемъ личныхъ именъ; кто изъ насъ не знаетъ незабвенныхъ трудовъ Шафарика, Палацкаго, Караджича, Мяклошича и другихъ. Въ послѣднее время какъ бы особенно и преимущественно почувствована была важность личныхъ именъ для исторіи и языкованія; ни одно время не было такъ богато изслѣдованіями о личныхъ именахъ, сборниками личныхъ именъ извѣстныхъ народовъ, какъ настоящее время. Неупоминая о трудахъ Канцлера, Дольца, Вярда, Графа, имѣющихъ свое достоинство, какъ можно забыть то, что сдѣлано по этому предмету братьями Гриммами, Боппомъ, Поттомъ, Ферстеманномъ, Мюлленгофомъ, Адлемъ, Купомъ, Вейнгольдомъ и другими. У насъ на Руси, первыя попытки къ изслѣдованію о личныхъ именахъ, начинаются, какъ я сказалъ выше, съ лѣтописца Нестора, который въ повѣствованіи своемъ о житіи св. Феодосія, между прочимъ рассказываетъ, что имя дано было ему священникомъ по прозрѣнію будущаго подвижничества Феодосія и будущаго служенія его Богу: «прозвутеръ же видѣвъ дѣтпце, сердечными очима «прозри ежо о номъ, яко хощетъ изъ млада *Boгу данна*, Феодосемъ того «нарицаетъ». Повѣствователь исторіи о убіеніи Бориса и Глѣба замѣчаетъ, что имя убійцы этихъ князей по соотвѣтствуетъ его жизни, и что его слѣдовало бы назвать *не Святополкомъ, а поанополкомъ* (*). Вся цѣль такихъ изслѣдованій заключалась единственно въ томъ, чтобы объяснить значеніе извѣстнаго историческаго имени и отыскать въ немъ какой нибудь смыслъ. Въ этомъ случаѣ наши повѣствователи какъ нельзя болѣе сходятся съ единоплемяными имъ повѣствователями, какъ-то: Длугошемъ, Бранковичемъ и другими. Такъ жизнеописатель Св. Станислава, жившій въ XIII вѣкѣ, видитъ въ имени «Станислава предназначеніе его быть избранникомъ Божиимъ: онъ «производитъ имя его отъ *stans laus*, или *instans laudi*, или *statio laudis*. Stetit «enim vir Dei *Stanislaus in laude Dei propensius et laus Dei in ore ejus, qui ex «omni cordo laudavit Deum, qui fecit eum* (**). Лѣтописцы польскіе, говоря о постригахъ сына Лешкова Земомысла, повѣствуютъ, что имя это дано было ему потому, что онъ обнаруживалъ чрезвычайную заботливость о благоденствіи польскаго народа.—Земомыслъ, по ихъ мнѣнію, значить радѣющій о зем-

(*) См. Іоаннъ, вѣзархъ Болгарскій, стр. 100.

(**) См. Vita S. Stanislai, Bandke, 1824 an, также Учен. Зап. II-го Отд. П. А. Н. кн. I, ст. Сухомлинова о языкованіи въ Древней Россіи.

лѣ (*). Составители нашихъ алфавитовъ, азбукovníковъ и буквъ, претендовавшіе, какъ они выражались сами, на объясненіе словъ 24-хъ языковъ (**), занимались также объясненіемъ или осмысленіемъ непонятныхъ для Славянскаго уха Христіанскихъ именъ, такъ они Климента называли Тихомиромъ, Феодосія—Богданомъ, Дометіана—Домашнимъ, Θεοπροпа—Боголвомъ (***) . Но замѣчательнѣе всего въ этихъ алфавитахъ предисловія, въ которыхъ излагается общій взглядъ на происхожденіе именъ человѣческихъ вообще, а также сужденіе объ именахъ языческихъ Славянскихъ. Предисловія эти во всѣхъ алфавитахъ болышею частію сходны между собою по содержанию; нѣкоторыя изъ нихъ только пространнѣе, а другія по короче.

Мы приведемъ здѣсь предисловіе со списка алфавита конца XVI-го вѣка, помѣщенного во 2-мъ томѣ сказаній русскаго народа г. Сахарова. «Прежде закона и въ законѣ ибѣщи, яко по благодати древнихъ родовъ человѣцы даяху дѣтомъ своимъ имена, якоже отецъ и мати восхощотъ, или отъ образа отрочати, или отъ времени, или отъ вещи, или отъ притчи. Якоже сей человѣкъ «Римлянинъ, видя отрока свое мирно, нарицаше имя ому Климентъ, по римски бо Климентъ, а по русски: *Милосердъ или Тихомирень*. А отъ времени сіе есть: рождшомуся Фалоку во дни раздѣленія, и того ради нароченъ бысть «Фалокъ, ибо Фалекъ раздѣленіе толкуется. А се по прилучаю: Сарра, жена «Авраамова до девяностыи лѣтъ неплоды бѣ, и въ старости отъ Бога слышавши родити сына, возмѣяся, глаголя: сіе ли мнѣ сотвори Господь! Рождши сына и нарече имя ему Исаакъ. По еврейски Исаакъ, а по русски смѣхъ «или радость. А отъ вещи сіе есть: въ Римѣ бѣ древо зѣло благоуханно, по «римски нарицается Лавренціусъ, и любяща Римляно древо то, и даху дѣтемъ своимъ имя то, еже мы глаголемъ Лаврентій. Тако бо Словномъ, «якоже хотяху, яко суть сія: Бажень, Богданъ, Третьякъ, и подобная симъ. «А понеже мы нынѣ, ноци невѣрія уже мимо шедшой и свѣту истиннаго благогразумія осявишу благодатию святаго броченія, некому отъ притчей, или «отъ вещей нароченіе именъ приємемъ, но по имени настоящаго дне святаго, «на него же память родихомся, или крестихомся. И сего ради намъ, Словномъ, неудобъ вѣдома нынѣшнія свои имена, еже что толкуется: Андрей, «или Васиій, или Даниилъ и прочая. Понеже бо святыхъ имена въ святцахъ «не одинаго языка и рѣчей положены, но различными языки. Аще бо свя- «тый Римлянинъ, то и въ святцахъ имя ому по Римски написано, аще ли «Еврейнинъ, то по еврейски, аще ли Грекъ бѣ, то Гречески, а Египтянинъ, «не Египетски; аще ли святыи кій родомъ Словенинъ, то славянскою рѣчью и

(*) См. Chronik. Martini Galli у Бантке, стр. 19, 321; Ioannis Dlugossi hist. Polon. t. I, стр. 86; Моск. Вѣсти. № XVII, также Часослѣв. Чет. Муз. 1830, стр. 459 — 462, Москв. 1835 г. № 3-й, ст. Лавровскаго объ обрядѣ постриженія у древнихъ Славянъ

(**) См. Алфавитъ 1596 г. стр. 26, 48, 87.

(***) Тамъ же.

«во святцахъ и въ прочихъ книгахъ и пишется. Словенскія же имена суть сія: «Владиміръ, Борисъ, Глѣбъ, Боголѣпъ, Всеволодъ и прочая. Не туне бо и не «своеу святыхъ имена толкованіемъ въ семьъ алфавитѣ написаномъ, но дабы раз- «сумни намъ, Словяномъ, были иже древними святыми канотворцы въ тропарѣхъ и кондакѣхъ восхваляемъ отъ нихъ святымъ тезоименитыя похвалы. «Обрѣтаемъ въ тропарѣхъ и кондакѣхъ Андрея мужеству тезоименита, Васи- «славъ—царству, Евимія—благодушію. Также и прочая имена благочестивыя «подпадая, легко возмогохомъ, Божію помощію, во св. книгахъ толковани «изобрѣсти, то здѣсь по алфавиту положихомъ. Благочестивыхъ убо, паче «святыхъ имена ради сія толковани здѣ вписаномъ, яко да приличную, «якоже выше рѣхомъ, коегждо имени тезоименитства похвалу разумѣти воз- «можемъ. Неблагочестивыхъ же, паче ренци, еретическихъ именъ здѣ толкова- «ніемъ вписаномъ, яко погибающее тѣхъ злочестія тезоименитное укореніе увѣ- «рны. Обрѣтаемъ бо Арія гнѣву тезоименита, Савелія—отца бѣсамъ, также и «спрочихъ еретиковъ сопротивное благочестивымъ именамъ тезоименитства «возможемъ разумѣти. Отпадая же, рекше, бѣсовская имена на обличеніе «своихомъ и чародѣемъ здѣ вписаномъ толковани, понеже чародѣи и волхвы, «написующе бѣсовская имена, даютъ ихъ простымъ людямъ, повелѣвающе «имъ та я имена носити, иногда же и наядъ какову написующе, или надъ пи- «саниемъ именующе, даютъ тѣ свѣдати простой чади. Сего то ради здѣ объяви- «схомъ имена Сатанинская, да никтоже отъ простой чади волче имя приметь, «и, вмѣсто свѣта тьму удержавъ, неразумія ради душу свою погубить. Сего «ради всякъ благочестивый да понудится святаго писанія со вниманіемъ прохо- «дить и сія толкованія навъкнуты, повинуюся рѣченію Господню, глаголющу: «испытайте писанія». Дѣтельность нашихъ доморощенныхъ филологовъ въ изслѣдованіи именъ ограничивалась объясненіемъ именъ святыхъ Греческихъ, Римскихъ и так. дал., но не касалась объясненія именъ святыхъ Славянскихъ. Ни въ одномъ алфавитѣ мнѣ не встрѣчалось найдти объясненія именъ: Борисъ, Глѣбъ, Владиміръ и т. под. Но довольно для составителей алфавитовъ и того, что сдѣлано ими: цѣль ихъ трудовъ была науческая, а чисто религіозна: *да никто же отъ простой чади волче имя приметь.*

Съ открытіемъ въ новооткрытую Академію Наукъ въ С.-Петербургѣ ученыхъ Штицъвъ началась у насъ и ученая разработка историческихъ матеріаловъ; Штицъ по своимъ средствамъ и своему разумѣнію началъ трудиться надъ русскою исторіею. Одинъ изъ нихъ, именно трудолюбивый Миллеръ коснулся и вопроса о личныхъ именахъ Славянскихъ. Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ имъ въ 1763 г. ч. I, стр. 14 Sammlung Russischen Geschichte, 1732 г. VIII, стр. 557, Миллеръ предложилъ для рѣшенія вопросы: откуда происходитъ коночный (окончательный) слогъ *ичь*, прилагаемый въ отчественнымъ Славянскимъ именамъ, и можно ли опредѣлять время происхожденія его? Употребляется ли въ той же силѣ и въ другихъ отъ Славянскаго происшедшихъ языкахъ? Польскій и Малороссійскій коночный слогъ

имѣ, который прилагается къ прозваніямъ, одного ли съ нашимъ свойства и происхожденія? Какого рода и достоинства люди писались прежде съ *имѣмъ* въ Царскихъ грамотахъ и въ другихъ приказныхъ дѣлахъ? Какое съ этимъ преимущество соединено было? И съ котораго времени и по какой причинѣ оно оставлено? Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшить былъ самимъ Миллеромъ такъ: «Es ist gewiss, dass die Endigung *Vitsch* (впчъ) sich aus der Russischen Sprache nicht herleiten lässt; daher kömmt sie aus bei andern Völkern von Slavonischer Abkunft in diesem Gebrauche nicht vor. Von den Tataren, die sonst viel Wörter in die Russische Sprache eingeföhret haben, kann sie nicht herrühren, weil sie viel älter ist, als der Zeitpunkt da diese sich in Russland hervorgethan haben. Sie scheint also von den Varägern eingeföhret zu sein, unter welchem Nahmen alle Völker von Gothischen Abkunft, als Schweden, Dänen, Normänner, Engelländer etc. verstanden wurden. Der Verfasser hat an das Engelländische *litz* gedacht, welches mit unsern *Vitsch* eine Aehnlichkeit hat, nur dass es denen Vaters Nahmen vor uns nicht nach gesetzt wird. Weil er aber gezeifelt, ob seine Vermuthung Beifall finden möchte: so hat er lieber anderer Meinungen erwarten wollen». Вслѣдъ за Миллеромъ Татищевъ, Щербатовъ и Болтинъ обратили вниманіе на Славянскія личныя имена. Болтинъ во всѣхъ замѣчаніяхъ на исторію Леклера и Щербатова говоритъ объ обычаяхъ, существовавшихъ въ древней Руси, перемѣнять имена по выходѣ въ замужество: такъ Рогнѣда, дочь Рогволодова, вышедши замужъ за Владиміра, получила новое имя Гориславы, Марія, сестра В. кн. Ярославъ, выдавая за мужъ за Казимира, Короля Польскаго, переименована Доброгѣвою; Ольга будто бы прежде называлась Прекрасою (*). Взглядъ на этотъ предметъ Татищева обличаетъ въ немъ не только ученаго, но и человѣка XVIII-го вѣка, не много вольнодумнаго, а въ то же время показывающаго, какъ далеко возрѣвіе на этотъ предметъ ушло отъ возрѣвіи составителей алфавитовъ и азбуконниковъ. Татищева въ изслѣдованіи о личныхъ именахъ занимаетъ не таинственный смыслъ именъ, онъ смотритъ на нихъ съ другою точки зрѣнія. Татищевъ видитъ въ личныхъ именахъ только способъ различать одного человѣка отъ другаго, подобно какъ всѣ разныя вещи, говоритъ онъ, разны называются «для того, чтобъ ихъ въ речевни и разумѣ различить и не мшть одну за другую, наприимѣръ, слыша сказываемое о Богданѣ, не думать о Иванѣ, или Ярославѣ, и вслѣдъ свое имя слыша, по привычкѣ разумѣть можетъ, что то «до его токмо, а не до шного касается. Древній есть всѣхъ народовъ обычай имена давать своего языка, яко у Славянъ всѣ Государи в простыхъ людей (имена) были Славянскія, яко: Багрянь, Бажень, Бола, Богданъ, Богодѣтъ и проч. какъ здѣсь роспись приложена. Потому, какъ Государи у насъ учились Варяги, или Финны, то имена ихъ языка давались, яко: Рюрикъ, Олегъ, Игорь и проч. Равно Римляне съ начала Латинскія, а потомъ Греческія, яко

(*) См. Замѣч. Болт. стр. 19.